18+

Анастасия Мун

СЛОМЛЕННАЯ

Анастасия Мун
Сломленная

https://litres.ru/74928603
ISBN 9785007168106

Аннотация

«Сломленная» — это не про слабость. Это про то, как одна мать-одиночка в Америке, один хоккеист с разбитым сердцем и одна книжка про медведя доказали, что любовь начинается там, где заканчивается контроль. И да, иногда за неё приходится вырывать пару локонов.

Содержание

Глава 1. «Декрет по — американски» 5
Глава 2. «Одно сообщение, которое изменило мою жизнь» 7
Глава 3. " Первый раз за долгое время мне не хотелось чтобы утро наступало» 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Сломленная

Анастасия Мун

© Анастасия Мун, 2026

ISBN 978-5-0071-6810-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
18+
Содержит постельные сцены
Автор: Анастасия Мун. 2026

«Нас с детства учат быть покладистыми, не перечить, не мешать и не выделяться. Проходят годы и мы остаёмся такими и нравоучения перерастают в комплексы и мы пытаемся спрятаться по глубже и не высовываться. Но годы идут. Пора что-то менять»

Глава 1. «Декрет по — американски»

Анне было двадцать, и она уже устала за последний год ей говорили: «Ты такая молодая а уже с ребёнком». она переехала в Америку с дочерью совсем недавно — за сменой обстановки, как сама себе говорила. Отца у дочери нет. Подруг не было. Не потому что она избегала людей — просто не нашлось тех, с кем хотелось бы делить вечера. Малышка Эмилия или как говорили здесь, Эмили двух с половиной лет сидела на диване в гостиной и смотрела местный детский телеканал на телевизоре. С языком проблем не было, поэтому она могла позволить себе няню для Эмили и выйти из дома. Так девушка забрела на сайт знакомств. От скуки. Анна листала анкеты, не испытывая ничего, кроме лёгкого раздражения. «Люблю путешествия, спорт и активный отдых» — у всех. «Ищу серьёзные отношения» — у тех, кто явно не ищет. Она откладывала телефон, но брала вновь.

Эмили тем временем стянула с дивана подушку и попыталась построить из неё домик. Получалось плохо, и она громко сообщила об этом на своём языке — смеси русских слов и английских, которые подхватывала из телевизора.

— Сейчас, солнышко, — сказала Анна, не отрываясь от экрана.

На сайте было тихо. Пара сообщений от мужчин, которые начинали с «привет, как дела» и заканчивали где-то на третьей строчке. Анна уже хотела закрыть приложение, когда в уведомлениях мелькнуло новое.

«Землячка?»

Она моргнула. Перечитала. На фото — парень в хоккейной форме, с наглой улыбкой и клюшкой через плечо. Имя — Виктор. Русское имя, написанное латиницей. Анна усмехнулась и набрала ответ.

«Все великие истории начинаются с чего-то маленького. Иногда — с одного сообщения».

Глава 2. «Одно сообщение, которое изменило мою жизнь»

«Землячка?»

Анна уставилась на экран. Два слова. Без «привет», без «как дела», без смайлика. Просто «Землячка?» — и всё.

Она хотела закрыть приложение. Честно. Но пальцы уже набирали ответ, опережая мысли.

«Землячка. Только я сейчас больше похожа на зомби, чем на девушку с фото. Если это проблема — беги».

Отправила. И сразу пожалела. Вот зачем? Зачем она это написала? Можно было просто не отвечать. Можно было написать «привет» и забыть. Но нет — она вывалила на незнакомого парня свою усталость, как будто он был её личным психотерапевтом.

Телефон молчал. Анна отложила его на стол, потом взяла снова. Эмили что-то лепетала на диване, тыча пальцем в экран телевизора.

— Да, солнышко, — рассеянно сказала Анна. — Киса. Вижу кису.

Телефон пискнул.

«Бегу. Но медленно. У меня травма колена».

Анна фыркнула. Потом усмехнулась. Потом поймала себя на том, что улыбается экрану, как дура.

«Смешно. Ты всегда такой остроумный или только по вторникам?»

«Только когда пишет девушка, которая называет себя зомби. Это редкий жанр».

Она отложила телефон. Взяла снова. Написала: «Ты хоккеист?» — и стёрла. Написала: «Откуда ты?» — и стёрла. В итоге отправила:

«Ты всегда начинаешь с „Землячка?“ или это твой коронный номер?»

«Коронный. Работает в девяти случаях из десяти».

«А в десятом?»

«В десятом мне отвечают. Как ты».

Анна посмотрела на Эмили. Та уже забыла про телевизор и пыталась стянуть с себя носок.

— Что я делаю? — спросила Анна вслух. Эмили не ответила.

Анна хмыкнула и отложила телефон. Эмили уже стянула носок и с победным видом размахивала им, как флагом.

— Ладно, чемпион, — сказала Анна, поднимаясь. — Давай сначала поедим.

Пока она грела суп, телефон на столе пискнул ещё раз. Потом ещё. Она старалась не смотреть. Получалось плохо.

«Ты откуда?»

Она вытерла руки и ответила:

«Из России. А ты?»

«Тоже. Но уже давно здесь. Играю».

«В хоккей?»

«Нет, в шахматы на льду. Конечно в хоккей».

Анна закатила глаза, но улыбнулась.

«Сарказм засчитан. А город какой?»

Он назвал город. Тот самый, где она жила. Она уставилась на экран.

«Ты серьёзно? Я здесь же».

«Знаю. Поэтому и написал „землячка“».

Пауза. Анна смотрела на его фото — хоккейная форма, наглая улыбка, клюшка через плечо. Молодой. Слишком молодой, наверное. Или это она себя чувствует старой?

«Слушай, — написал он. — Тут такое дело. У нас завтра выходной, и я, честно, не помню, когда последний раз разговаривал с кем-то не про хоккей. Может, кофе?»

Анна уставилась на сообщение. Потом на Эмили. Потом снова на сообщение.

«У меня ребёнок», — написала она.

«И?»

«И это значит, что я не могу просто взять и пойти на свидание».

«А кто говорит про свидание? Просто кофе. Днём. В парке. С ребёнком можно».

Она хотела сказать «нет». Правда хотела. Но пальцы уже набирали:

«Ладно. Но это не свидание».

«Конечно. Просто кофе».

«И если ты окажешься маньяком, я тебя заблокирую».

«Справедливо».

Утром Анна потратила двадцать минут на выбор одежды — и ещё десять на то, чтобы убедить себя, что это ничего не значит. Эмили сидела в коляске и жевала печенье, наблюдая за матерью с философским спокойствием.

В парке он ждал у входа. Высокий. В кепке, надвинутой на глаза, и с двумя стаканами кофе. Увидев коляску, он не поморщился, не сбежал — наоборот, присел на корточки и посмотрел на Эмили.

— Привет, — сказал он. — Ты, наверное, и есть тот самый зомби?

Эмили посмотрела на него как на идиота. Анна прыснула.

— Она не зомби. Зомби — это я.

— Ну наконец-то, — он выпрямился и протянул ей стакан. — Виктор.

— Анна.

Они сели на скамейку. Разговор шёл легко — слишком легко, как будто они знали друг друга сто лет. Он рассказывал про команду, про переезды, про то, как скучает по нормальной еде. Она — про Эмили, про то, как впервые за долгое время почувствовала, что говорит с кем-то, кто её слышит.

Потом Эмили заплакала — проголодалась. Анна начала извиняться, собираться.

— Подожди, — сказал он. — У меня тут рядом. Давай

зайдём, я тебя хоть нормально накормлю. Не супом из пакета.

Анна замялась.

— Это не… — начала она.

— Не свидание, — закончил он. — Помню. Просто обед. И у меня есть микроволновка, детское кресло и, кажется, где-то был пакет сока.

Она посмотрела на него. На Эмили. На свои руки, которые держали остывший кофе.

— Ладно, — сказала она.

— Пойдем.

Дверь квартиры открылась с тем самым звуком, который бывает только у съёмного жилья — дешёвый замок, скрип, и тишина, которая встречает тебя вместо кого-то живого. Виктор пропустил её вперёд.

— Проходи. Не обращай внимания на бардак. Я тут не то чтобы обжился.

Бардака как такового не было. Была пустота: диван, стол, пара коробок в углу, которые он так и не разобрал с переезда. Холодильник стоял прямо в комнате — студия, ничего лишнего. За окном Нью-Йорк гудел, не затихая ни на минуту.

Эмили уснула в коляске по дороге, и Анна тихо переложила её на диван, подложив под голову свою куртку.

Виктор тем временем подошёл к холодильнику, открыл его и заглянул внутрь с видом человека, который сам не знает, что там найдёт.

— Так, — сказал он, доставая початую бутылку. — У меня есть виски. И… — он заглянул ещё раз, — виски. Тебе что?

Анна замялась. Она не пила уже давно — с тех пор, как появилась Эмили, как-то не до этого было.

— А есть что-нибудь безалкогольное?

Он посмотрел на неё, потом на бутылку, потом снова на неё.

— Есть вода. Но это скучно.

— Давай воду.

Он пожал плечами, налил ей воды, себе — виски. Щедро, не глядя на мерки. Лёд в стаканах звякнул.

— Ну вот и славно, — сказал он, откидываясь на спинку дивана и вытягивая ноги в тяжёлых ботинках. — Значит, не придётся пить в одиночестве, как последний мудак.

Он протянул ей стакан. Взгляд тёмных глаз скользнул по собеседнице — оценивающе, но без нажима.

— Только сразу договоримся, — Вик опустился обратно. Стакан в большой руке казался игрушечным. — Я после матча — зверь. Проиграли сегодня, так что настроение хуже некуда. Если начну бычиться — бей по морде, не стесняйся.

Он усмехнулся. Улыбка вышла кривоватой, с той самой щербинкой, от которой лицо становилось одновременно опасным и по-мальчишески простым. Глотнул, поморщился.

— А ты, я смотрю, не из пугливых. Другая бы уже свалила, глядя на эту рожу. — Он кивнул на себя. — Что вообще тебя

сюда принесло? Не верю я в случайности, знаешь ли.

— Сама не знаю, — она пожала плечами. Усмешка вышла короткой, без веселья. — Жизненные тяготы, наверное. Или просто надоело сидеть одной.

Виктор не стал допытываться. Поставил стакан, откинулся, вытянул руку вдоль спинки дивана — жест широкий, собственнический, но пока без притязаний.

«Жизненные тяготы,» — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — «Знакомая херня. У меня их тоже вагон. Только я их водкой заливаю, а ты, гляжу, ко мне пришла. Прогресс.»

Он повернул голову, посмотрел внимательнее — не как на вариант на вечер, а как на человека, у которого внутри что-то скрипит.

«Слушай,» — голос стал тише, без прежнего сарказма. — «Я не психолог, и лезть тебе в душу с фонарём не собираюсь. Но если хочешь выговориться — говори. Я умею молчать и слушать, когда надо. А если нет — тогда пьём и не грузимся. Тоже вариант.»

Он поднял свой стакан, чуть качнул его, лёд стукнул о стекло.

«За то, чтобы сегодня никто не думал о плохом. Хотя бы до утра.»

— Тебе правда интересно? — сказала она с недоверем.

Виктор не ответил сразу. Сделал глоток, поставил стакан на пол — аккуратно, будто это имело значение, — и только потом повернулся к ней всем корпусом.

«Правда,» — сказал он просто, без обычной своей ухмылки. — «Я, может, и выгляжу как кусок мяса с татухами, но у меня есть одна дурацкая привычка — мне реально интересны люди. Не то, что у них на витрине, а что за ней. На льду я читаю соперника за секунду, иначе мне хана. С людьми так же.»

Он чуть подался вперёд, локти на коленях, и в этом движении не было ни капли флирта — только внимательное, тяжёлое спокойствие.

«Ты вон сидишь, смеёшься, а глаза не смеются. Я такое за версту вижу, у меня команда из таких же. Так что да, интересно. Только чур без вранья, я его на дух не переношу.» — Он коротко усмехнулся. — «Ну, или ври красиво, чтобы я поверил.»

Откинулся обратно, давая ей воздух, и добавил уже мягче:

«И не думай, что ты мне чем-то обязана за этот разговор. Выговорилась — и ладно. Не выговорилась — сидим дальше, пьём, смотрим в стену. Стена, кстати, неплохая. Свежая.»

— У меня дочка. Маленькая. И быт — такой, что врагу не пожелаешь. — Она выдохнула, будто только что пробежала кросс. — Вчера мне в голову стукнуло переставить мебель. Ночью. Сама не знаю зачем. Передвинула диван, легла спать. А утром с восьми утра летаю по дому, как сраный веник. Даже не поела толком. Переставила кроватку, стол письменный, шкаф с детскими вещами. Потом пол помыла. По-

том смотрю — вещи из шкафа ломятся. Перебрала одежду, убрала то, что дочь носить не будет. Потом стирка со вчера в тазу лежит. Надо развесить. А чтобы развесить — нужно старую стиральную машину в общий коридор вынести. Вынесла. Развесила. Убралась на письменном столе. У меня в спальне косметический столик стоял — для него места больше нет, нужно в зал перетащить. А чтобы поставить, нужно другой стол разобрать. Разобрала. Поставила.

Она замолчала. Потом добавила тише:

— И знаешь, что самое смешное? Я села и поняла, что всё равно не могу уснуть.

Виктор слушал, не перебивая, и по мере рассказа брови его ползли всё выше. Когда она закончила, он медленно выдохнул и потёр лицо ладонью.

«Охренеть,» — сказал он с искренним, почти детским изумлением. — «Ты в одиночку за ночь и утро перетащила полквартиры. Диван, кроватку, шкаф, стиралку в коридор выволокла. Ты вообще понимаешь, что стиральная машина весит как я? Ну, почти.»

Он поднялся, подошёл к ней, и вдруг присел на корточки рядом — так, чтобы смотреть снизу вверх, без всякого превосходства.

«Слушай сюда, боец. То, что ты описала, — это не быт. Это побег. Ты не перестановку делала, ты от чего-то убегала, загружая себя так, чтобы думать было некогда. Я так же делаю, только вместо шкафов у меня тренажёрка до посине-

ния.»

Он выпрямился, взял её стакан и долил виски — молча, без вопросов.

«И вот что. Ты не поела. Это не мелочь, это хуже перестановки. Я сейчас что-нибудь соображу, у меня в холодильнике негусто, но яичницу с беконом я тебе сделаю такую, что ты забудешь, как тебя зовут.» — Он уже шёл к плите. — «А потом сядешь и расскажешь, от чего именно ты бегаешь. Потому что дочка — это не тяготы. Дочка — это дочка. А тяготы — это то, что вокруг неё.»

— Не надо, спасибо. Я не голодна. Цикорий пила дома. С молоком. — Она чуть пожала плечами, будто извиняясь. — Кофе нельзя. Сердце слабое, давление. Так что яйца оставь на завтра.

Виктор замер с открытым холодильником. Потом закрыл его и обернулся.

— Цикорий, — повторил он, будто это было ругательство. — Ну ладно. Цикорий так цикорий.

— И я не убегала ни от чего, — сказала она. — Просто везде бардак. Бесит. Я не люблю генеральную уборку, но порядок люблю. А когда нужно прям так тяжко — потом. Дочка бардак разводит. Ей не объяснишь, маленькая ещё. Но каждый день убираться сил нет.

Она сказала это спокойно, без вызова. Просто факт.

Виктор поставил стакан, подошёл обратно и сел на диван — на этот раз не рядом, а напротив, чтобы видеть её лицо.

— Ага, — сказал он. — Значит, не побег. Просто бардак. И дочка. И сердце.

— И сердце, — подтвердила она.

Он помолчал. Потом усмехнулся — не насмешливо, а как-то по-другому.

— Слушай, а ты вообще когда последний раз отдыхала? Не «села на пять минут», а вот чтобы прям ни-че-го не делать?

Анна открыла рот. Закрыла. Задумалась. И это молчание было красноречивее любого ответа.

Виктор замер с яйцом в руке, обернулся через плечо.

«Цикорий,» — повторил он с таким видом, будто ему сообщили, что она питается корой. — «С молоком. И это весь твой рацион за сутки, пока ты шкафы таскаешь.»

Он всё-таки поставил сковороду на плиту, но уже без прежнего азарта, спокойнее.

«Ладно, не хочешь есть — не буду впихивать. Но цикорий на пустой желудок при слабом сердце — это, подруга, не диета, это лотерея. Я тебе не мамочка, но скажу один раз и отстану: поешь. Хоть что-нибудь. Хлеб у меня есть, сыр есть.»

Вернулся к дивану, сел, но не развалился, а как-то собранно, будто разговор стал важнее.

«А насчёт бардака — ты не про порядок говоришь. Ты про контроль. Когда всё вокруг на местах, кажется, что и внутри всё на местах. Я это знаю, у меня в шкафу футболки по цвету висят, и я не шучу.» — Он усмехнулся своим мыслям. —

«Только вот беда: дочка твоя растёт, и бардак будет расти вместе с ней. Это не изменится. Никогда. Вопрос только в том, кто кого — ты его или он тебя.»

Он помолчал, глядя в сторону окна.

«И ещё. Ты сказала — тяжко потом. А кто тебе помогает? Муж, мать, кто-нибудь? Или ты одна эту гору тянешь?»

— Мужа нет, — сказала Анна. — И парня тоже. Мама… — она помолчала, подбирая слова. — У мамы свои дела. Когда я съехала, я будто отдельной семьёй для неё стала. Она говорит: у меня своя семья, свои заботы. У отчима недавно предынфаркт был. Прооперировали. Так что мама теперь одна работает, отчим на больничном.

Она сказала это ровно. Не горько. Просто как есть.

Виктор слушал, не перебивая. Когда она закончила, он не стал говорить «мне жаль» — только медленно кивнул, будто складывал в голове картинку.

— Значит, одна, — сказал он. — Совсем одна. С ребёнком. В чужой стране. С сердцем, которое нельзя кофе. И с мамой, у которой «своя семья».

— Ну, не совсем одна, — Анна пожала плечами. — Няня есть. Два раза в неделю. И сайт знакомств. — Она усмехнулась. — Как видишь, полный комплект.

Виктор хмыкнул. Потом встал, подошёл к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвался шум города — гудки, чьи-то голоса, далёкая сирена.

— Знаешь, что я тебе скажу, — проговорил он, не обора-

чиваясь. — Я в этой стране четыре года. И знаешь, что понял? Здесь никто никому не должен. Ни мама, ни друзья, ни соседи. Каждый сам за себя. Это не плохо и не хорошо, это просто так. Но иногда от этого воет.

Он обернулся.

— Я не про то, что тебе надо жалеть себя. Ты явно не из тех. Я про то, что ты можешь позволить себе хотя бы иногда не быть одной. Вот я, например, сейчас здесь. И я, представь, никуда не спешу.

Виктор выложил яичницу на тарелку — просто, без церемоний, — и поставил перед ней на стол. Рядом пристроил ломоть хлеба и кусок сыра.

«Ешь,» — коротко бросил он и сел напротив, не сводя с неё глаз, будто следил, чтобы она действительно взяла вилку.

Сам он не ел, только крутил в руке стакан, лёд уже подтаял.

«Знаешь, что я заметил? Ты всё время говоришь „ну да“, „не стоит“, „не надо“. Будто тебя с детства приучили не занимать места больше, чем положено.» — Он отпил, поставил стакан. — «А место ты занимаешь. И в этой квартире, и вообще. Просто тебе об этом давно никто не говорил.»

Он помолчал, потом добавил, уже проще, без нажима:

«Ладно, хватит с тебя философии. Ешь, а я пока расскажу, как мы сегодня просрали третий период. Может, хоть поржёшь, а то сидишь как на похоронах.»

— Учили меня так, — сказала Анна. Она взяла вилку, но

есть не начала — просто держала её, будто забыла, зачем взяла. — Будь удобной. Не высовывайся. Не проси. Не плачь. Не сдавайся. Тяни, даже если невмоготу.

Она подцепила кусок яичницы, но так и не поднесла ко рту.

— Теперь не люблю, когда приходится кого-то о чём-то просить. Думаю, что отвлекаю. Мешаю. Что у людей и без меня забот хватает. — Она усмехнулась, но глаза остались серьёзными. — Растили серой мышкой. Только мышка не знала, что она мышка, пока не выросла и не поняла, что все вокруг почему-то считают себя вправе занимать место, а она — нет.

Виктор молчал. Не перебивал. Не говорил «это неправильно». Просто смотрел.

— Знаешь, что самое дурацкое? — продолжала она. — Я даже сейчас, когда ты мне яичницу поставил, думаю: «Может, не надо было соглашаться. Может, он устал, а я тут сижу». Хотя ты сам предложил. Сам позвал. Сам поставил.

Она наконец положила вилку в рот. Прожевала. Проглотила. И только потом добавила тише:

— Вот так и живу. Всё время кажется, что я занимаю чужое место. Даже когда меня никто не просит уходить.

Виктор отставил стакан. Медленно, будто это движение требовало усилия.

«Серой мышкой,» — повторил он, и в голосе прорезалось что-то жёсткое. — «Знаешь, что я про такое думаю? Это не

воспитание. Это дрессировка. Тебя выдрессировали не мешать, не просить, не плакать. А потом удивляются, чего это у неё сердце слабое и давление. Да потому что ты двадцать лет всё в себе держишь, как пар в закрытом котле.»

Он подался вперёд, локти на стол.

«Я тебе не буду говорить, что это неправильно. Ты и так знаешь. Я скажу другое. В моей команде есть правило: если игрок молчит и терпит — он подводит всю пятёрку. Потому что вовремя не попросил замену, не сказал, что травма, и в итоге провалил смену. Так что просить — это не слабость. Это работа в команде.»

Он выпрямился, взял вилку и подтолкнул тарелку ближе к ней.

«Вот прямо сейчас. Попроси меня о чём-нибудь. О чём угодно. Хоть воды. Тренировка.» — Уголок рта дёрнулся. — «И не вздумай сказать, что не надо.»

Анна посмотрела на него. Потом на стакан с водой. Потом снова на него.

— Знаешь, чего бы мне сейчас хотелось больше всего на свете? — сказала она, и голос вдруг стал совсем тихим. — Чтобы меня обняли. Просто обняли. И где-то пожалели. А где-то похвалили. За то, какая я сильная.

Она замолчала. Сама испугалась того, что сказала. Но отступать было некуда — слово уже вылетело.

— Только не говори, что я и так справляюсь, — добавила она быстро. — Я знаю, что справляюсь. Я всегда справля-

юсь. Просто иногда хочется, чтобы кто-то заметил, что это нелегко.

Виктор смотрел на неё долго. Не так, как смотрят на девушку на свидании, и не так, как смотрят на жалобную книгу. А как-то иначе — будто взвешивал, что сказать, чтобы не соврать.

Потом он встал. Медленно, не резко. Подошёл, присел на корточки рядом с её коленями — так, чтобы быть ниже, не нависать.

— Иди сюда, — сказал он просто.

И обнял. Не крепко, не сюсюкая, не поглаживая по голове, как ребёнка. Просто обнял, как обнимают человека, которому давно не хватало, чтобы его держали. Она уткнулась лбом ему в плечо и почувствовала, как он пахнет — стиральным порошком, виски и чем-то ещё, своим.

— Ты сильная, — сказал он куда-то ей в макушку. — Это правда. Но это не значит, что ты должна быть одна. Всё. Хватит. Дальше не буду. А то ещё расплачусь, а мне перед командой стыдно будет.

Анна фыркнула в плечо. Но не отстранилась.

Виктор стукнул своим стаканом о её — тихо, без звона, — и выпил до дна. Поставил, вытер рот тыльной стороной ладони.

— Всё, — сказал он. — Собирайтесь.

Анна посмотрела на Эмили, которая уже проснулась и сидела на диване, сонно моргая. Увидев, что мама смотрит, она

потянулась к ней руками.

— Сейчас, солнышко, — сказала Анна. Подошла, взяла её на руки, поправила куртку. — Пойдём домой.

Виктор не суетился. Дал ей спокойно одеть Эмили, сам убрал тарелку в раковину, сполоснул. Потом натянул куртку, накинул на плечи что-то тёплое и, не спрашивая, набросил ей на плечи свою толстовку — большую, пахнущую им, с растянутым воротом.

— На улице ветер. Не спорь, отдашь завтра, если пересечёмся.

Эмили сидела у Анны на руках, положив голову ей на плечо. Виктор шёл рядом, руки в карманах, и на улице сразу подставил ей ту сторону, откуда дуло.

— Слушай, — проговорил он, глядя вперёд, на мокрый асфальт. — Я тебе номер дам. Не для вежливости, я уже говорил. Если ночью сердце прихватит или просто станет так, что некому сказать — звони. Даже если три часа ночи. Я после матчей всё равно не сплю, гоняю в голове смены.

Он достал телефон, глянул на неё.

— Диктуй свой. Или скажи — и я наберу, чтобы у тебя мой был.

Анна назвала номер. Он записал, не глядя в экран — по памяти, как будто делал это тысячу раз. Потом нажал «вызов», и через секунду у неё в кармане завибрировало.

— Всё, — сказал он, убирая телефон. — Теперь у тебя есть мой. И это не «если что». Это «когда что». Потому что

«если» у тебя не бывает. У тебя всегда «когда».

Они дошли до её дома. Не до подъезда — до самого крыльца, где горел фонарь и было чуть светлее, чем на улице. Он остановился, но не шагнул к двери, не попытался зайти. Просто стоял, руки в карманах, и смотрел на неё сверху вниз.

— Ну, — сказал он. — Иди. Поздно уже.

Анна кивнула. Хотела сказать что-то нормальное — «спасибо», «было приятно», «до встречи». Но в голове было пусто, а в горле стоял комок.

— Виктор, — сказала она наконец. — Я… — Она запнулась. Потом выпалила, быстро, пока не передумала: — Спасибо. За яичницу. За объятие. За то, что не сделал вид, что ничего не заметил.

Он усмехнулся.

— За объятие отдельное спасибо, — сказал он. — Я вообще-то так, не со всеми.

Она фыркнула. Эмили завозилась у неё на руках, сонно что-то пробормотала.

— Иди, — повторил он мягче. — Ей спать пора. И тебе тоже.

Анна отвернулась, чтобы открыть дверь. И уже на пороге услышала:

— Анна.

Она обернулась.

— Ты это… — он чуть замялся, будто подбирал слова. — Если завтра опять начнёшь шкафы таскать, позвони. Я

приеду. Не шкафы таскать, а так. Рядом постоять.

И, не дожидаясь ответа, повернулся и пошёл. Руки в карманах, шаг широкий, спина прямая. Как будто ничего особенного не сказал.

«После первой встречи начинается самое интересное: ты остаёшься одна со своими мыслями»

Глава 3. " Первый раз за долгое время мне не хотелось чтобы утро наступало»

Эмили уснула почти сразу — сказались прогулка, чужая квартира и слишком много впечатлений для двух с половиной лет. Анна уложила её в кроватку, поправила одеяло, постояла минуту, глядя на спящее лицо. Потом вышла на кухню и села за стол.

Телефон лежал перед ней. Тёмный экран, в котором отражалась лампа.

Она взяла его. Открыла контакты. Нашла «Виктор». Посмотрела на номер. Заблокировала экран. Положила телефон. Через минуту взяла снова.

«Это глупо», — сказала она себе. Он сам дал номер. Сам сказал звонить. Даже если три часа ночи. Но писать первой — это другое. Это как признать, что ты думаешь о нём. Что вечер что-то значил. Что ты сидишь на кухне в половине первого и не можешь уснуть.

Она отложила телефон. Встала. Налила воды. Выпила. Села обратно.

«Спишь?» — набрала она. И отправила, раньше чем успела передумать.

Три точки появились почти сразу. Потом исчезли. Потом

появились снова.

«Не сплю. Гоняю в голове третий период. А ты чего не спишь?»

Анна уставилась на экран. Сердце стучало где-то в горле, и это было глупо — она взрослая женщина, мать, она просто спросила «спишь?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.